

УЧАСТНИКАМ ДЕКАДЫ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

Привет, друзья! Мы встрече с вами рады.
Я в Киеве частенько заходил
К участникам теперешней декады.
Будайте здоровеньки!

КРОКОДИЛ.

КРОКОДИЛ

№ 31

(1609)

10 НОЯБРЯ

1960

КТО посоветовал Архипу Филипповичу Выливку испробовать свои силы на сельскохозяйственном поприще, сейчас установить трудно. Одно ясно: тот, кто посоветовал, руководствовался отнюдь не добрыми чувствами. Но, как бы там ни было, на первых порах эксперимент удался: Архип Филиппович стал председателем сельскохозяйственной артели.

Когда его привезли «сватать» в колхоз «Золотой сноп», представитель района охарактеризовал Архипа Филипповича как инициативного человека. И представитель района не ошибся. Своей бурной энергией Архип Филиппович с первых же шагов буквально всех очаровал.

— Будущее процветание артели, — заявил он, — в подьеме продуктивности крупного рогатого скота. Дашь коров, да таких, чтоб каждую корову две молокоцистерны не успевали обслужить! Животноводство — вот что сейчас актуально!

Надо ли говорить, что все согласились с председателем! И весь колхоз начал бороться за повышение продуктивности животноводства.

Однако прошло несколько недель, и Архип Филиппович повернулся к животноводству сначала боком, потом спиной.

— Строительство нового коровника пока что приостановим, построим лучше колхозный ресторан. Понимаете, дела у нас идут настолько хорошо, что скоро к нам со всех концов страны люди за опытом будут ездить. Вот и понадобится ресторан. Мы и джаз-оркестр пригласим; артель наша не какая-нибудь, не бедная! Джаз — это сейчас очень актуально!

Известие о постройке ресторана и о будущем дебюте джаза колхозники встретили без особого энтузиазма. Потому что пока и чайная неплохо справлялась со своими обязанностями, а колхозный духовой оркестр мог заткнуть за пояс любой джаз. Но Архип Филиппович настоял на своем и собственноручно заложил в торжественной обстановке первый камень будущего ресторана.

Все правление во главе с Выливком так увлеклось проектированием, что перестало заботиться о кормовой базе. И надои начали падать. Естественно, после этого можно было не спешить с рестораном. Ни у кого не возникало надобности ехать в «Золотой сноп» за опытом.

Прошло немного времени, и Выливком остыл к своей затее: первый камень ресторана стал и последним его камнем.

Думаете, падение надоев взволновало Выливку? Ни капельки! Он махнул на коров рукой.

— Свины! Свины сегодня актуальны! Мы даже Ярослава Чижга угостим самой дешевой в мире колбасой! Все силы на свиней!

И все силы были брошены на свиней. На первых порах дело пошло неплохо, и Архип Филиппович подумал было уже о том, не построить ли на месте запроектированного ресторана двухэтажный отель для тех, кто приедет перенять опыт в области свиноводства. Но он забыл, что свиней, как ни странно, нужно кормить. И, в частности, забыл, что свины очень любят кукурузу.

В результате самая дорогая по всему району кукуруза выросла именно под руководством Выливки. За это его, разумеется, по головке не погладили. Архип Филиппович так расстроился, что даже вспоминать о свиньях не хотел. Начнет о свиньях думать — кукурузу вспомнит; кукурузу вспомнит — выговор перед глазами стоит.

— Курь, утки и гуси — вот что теперь актуально! — воскликнул Выливком и при-

казал продать несколько симменталок, а вместе с ними племенных боровков.

— С этими свиньями мороки не оберешься. А с коровами тем паче! Дешевая яичница — вот что на данный момент актуально!

На деньги, вырученные от продажи коровок и боровков, были приобретены тысячи пушистых инкубаторных цыплят и утят. Цифры по птицеводству сразу подскочили вверх. Но на этой высоте они находились только до тех пор, пока цыплята не подросли. А тут оказалось, что на каждую курочку приходится по три петушка. Петушки упорно не хотели нестись, а одни курочки цифровой погоды не делали. Каждое яйцо обошлось колхозу дороже взрослой курицы.

Архип Филиппович даже за голову схватился.

— И кто бы мог подумать, что с этим птицеводством такая морока! Выходит, неактуальное это дело! Долой петухов и кур! Начнем кроликов разводить! Кролики — вот что актуально!

Против кроликов никто ничего сказать не мог: кролик действительно всегда нужен. Но тут колхозники на собрании дружно запротестовали:

— Архип Филиппович, у нас все актуально! И коровки, и пшеничка, и свинки, и кукуруза, и курочки, и картошечка, и кролики, и гречиха. Но не одно за счет другого! Все вместе, все рядышком. Тогда ничего неактуального не будет.

Не успел Архип Филиппович развести кроликов, как ему захотелось винограду. И выдвинул он такую идею:

— Сад наш старый, неактуальный. Виноград актуальнее. Давайте сад вырубим и разведем виноград. Таких сортов понаведем, что ой-ой-ой!

Тут колхозники не выдержали:

— Ну, хватит! Понавыводил! И коров выводит, и свиней, и кур! Сам ты неактуальный! Остается одно — тебя вывести. Вот так, прямо за руку вывести из правления. Да и из колхоза тоже.

Так и поступили. Взяли и вывели.

...Теперь в «Золотом снопе» новый председатель. Шуму не поднимает, но дело пошел так, что колхозники, наверное, скоро будут угощать Ярослава Чижга самой вкусной и самой дешевой колбасой.

Перевел с украинского
Е. ВЕСЕНИН.

Павло ОПАНАСЕНКО

Мылись мы недавно в бане,
И постигла нас беда:
В каждом душе, в каждом кране
Разом кончилась вода.
Злимся.

Мыло-то не смыто!..
К заву выделив послов,
Мечем в адрес «Водосбыта»
Дружный град недобрых слов.

Кое-как — уж где там парка! —
Обтираться стал народ.
А Гармаш (из таксопарка)
Деда-банщика зовет.

Шлет куда-то...
Ждем, раздеты:
Дескать, что задумал он!..
Банщик тащит из буфета
Пива теплого бидон.

Рад шофер:
— Вот это дело!..
Впрочем, пить не буду я.
«Жигулевским» мыло с тала
Помогите смыть, друзья!

Смыли пивом с парня пену,
Он оделся — и в гараж.
Ровно в два, принявши смену,
За баранку сел Гармаш.

Но инспектором водитель
Был обнюхан, говорят,
И как «злостный нарушитель»
В тот же день с работы снят.

В чем мораль!
Скажу, не скрою:
В том, что в баню про запас
Нужно, хлопцы, брать с собою
Лишь минводы или квас.

Перевел с украинского
Валентин КОРЧАГИН.

Сатирические миниатюры

ТЕЛЕГРАММА

Шлет супруга телеграмму:
«В среду жди меня и маму». —
Дома все — супруга, мама,
Лишь в дороге... телеграмма!

О. ЯРОШ
с. Александринка, Сталинской области.

БЛИЗНЕЦЫ

Они на диво схожи меж собою!
Их по тому лишь можно различить,
Что любит Тимофей читать запоем,
Евсей запоем любит водку пить!

М. БИЛЕЦКИЙ

г. Луцк.

ПОУЧАЛА МАТЬ

— Правдивым будь, не причайся врать, —
Так наставляла сына мать. —
Теперь засну я, а придет сосед,
Скажи, что мамы дома нет.

П. ЛЯШЕНКО

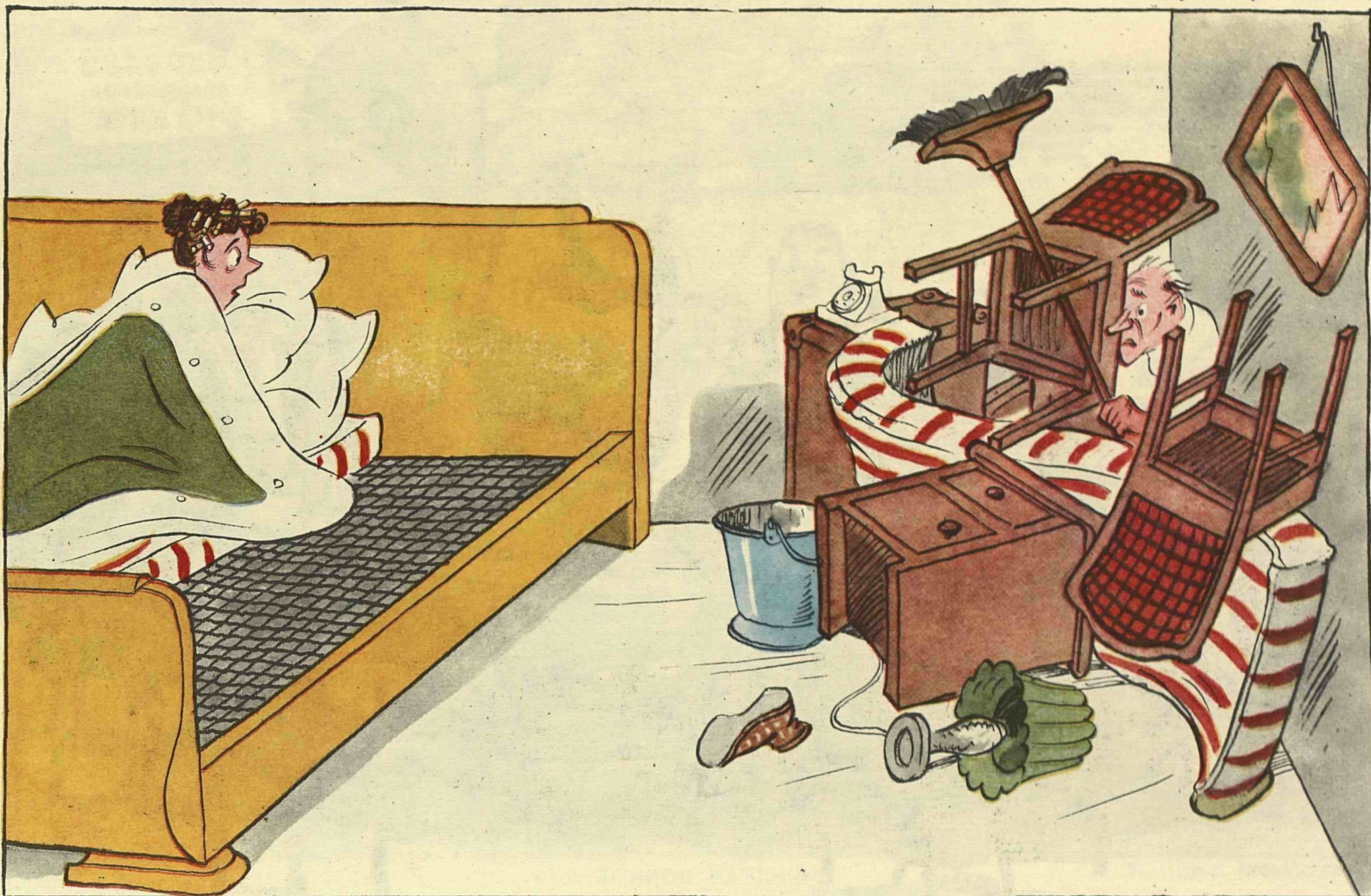
с. Каменка, Харьковской области.

ВОЛЧЬИ СОМНЕНИЯ

Не верит кровожадный Волк Слону.
— Ты мяса не едал! Да ну!

П. КЛЮЧИНА

с. Карабутово, Сумской области.
Перевел с украинского Сергей ШВЕЦОВ.

— Что с тобой, Дик!
— Мне приснилось, что ты коммунистка!

Джозеф Новак хрюкает

ЕСТЬ такое понятие: порядочный человек. Что это значит? Какого человека и за какие качества называют порядочным? Увы, единого взгляда на этот предмет в природе не существует! С точки зрения буржуазной морали какой-нибудь западный писака, у которого истины в статьях не больше, чем алмазов в пареной репе, — порядочный человек: он носит хорошо отглаженные брюки, аккуратно посещает церковь, имеет жену, детей, пару любовниц, солидный счет в банке и сморкается в белоснежный носовой платок. Все признаки буржуазной порядочности налицо.

Мы, однако, не назовем такого господина порядочным человеком. Возможно, сморкается он вполне прилично, с женой, детками и любовницами тоже обращается по-джентльменски. Но ведь он занимается искажением фактов и обманом публики, то есть позорным делом. Нет, разбойники пера в нашем понимании не порядочные люди!

...Перед нами книжка впечатлений о поездке в Советский Союз. Называется она «Будущее за нами, товарищи!». Написал ее некто Джозеф Новак. Издана книжка в США.

Стоит привести лишь две выдержки из этого сочинения, и каждому станет ясно, что считать Джозефа Новака порядочным человеком нельзя. Его даже порядочной свиньей нельзя назвать — так пороссячи мелко выглядят сочиненные им пакостные враки о нашей стране.

Ткнем наугад в любое место книги. Ага, мы попали в главу, где Новак толкует о разводах в СССР.

Никто слова бы не сказал господину Новаку, если бы он писал о разводах в Советском Союзе правдиво и просто. Но господин Новак, желая во что бы то ни стало сказать пакость про страну, в которой он гостил, врет. Глупо, беззастенчиво, бездарно.

Вот как он хрюкнул в своей книжке про разводы в нашей стране: «Муж, 27 лет, служащий, потребовал развода. Причина? Его жена, 25-летняя работница, отказалась повышать свой интеллектуальный и политический уровень, не посещала идеологический кружок, созданный профсоюзом. На самом же деле повод был другой. Муж полюбил свою сослуживицу. Суд выяснил это, и неделю спустя его отправили на передовой фронт работ социализма — за Уральские горы. Он должен был провести там год и высылать своей жене определенную часть заработка. Если после возвращения он все еще будет настаивать на разводе, суд может удовлетворить его требование».

Аппетит приходит во время вранья. Новака понесло. Он продолжает гнать строку, прижав уши к затылку: «Допустим, обе стороны желают развода. Причина — недостаток общего политического взаимопонимания. Он обвиняет ее в отсутствии идеологии, она его — в политическом цинизме. Рабочий комитет и домовый комитет выяснили, что они не живут вместе два года. Дети находятся у бабушки, где-то в провинции. Развод дается немедленно, но обоих переводят на форпост социализма, в Казахстан».

Уже по этим двум цитатам видно, что заокеанский враль-халтурщик не выдержал экзамена на звание порядочного человека, ни одного слова правды в его сообщении нет.

Медуза Горгона — весьма отрицательная героиня древнегреческой мифологии — обладала довольно скверной чертой характера. На кого бы она ни взглянула, несчастная жертва ее внимания превращалась в камень. Новак чем-то напоминает эту зловредную мифическую даму. До чего бы он ни дотронулся пером своей авторочки, получается пахучая антисоветская сага. Вот, скажем, простой унитаз. Ну что, казалось бы, что с него возьмешь? Новак касается унитаза кончиком своего «паркера», и — раз, два, три! — читайте:

«В Москве я встретил человека, чей брат только что был приговорен к четырем годам тюрьмы. Он был мелким служащим на второстепенной работе. Женатый, 45 лет, имел детей. Его жена работала горничной в московской гостинице. Однажды К. освободился от работы раньше обычного и решил зайти за своей женой к ней на работу... Выходя из гостиницы, он зашел в туалет. Он склонился над унитазом, и внезапно все его личные бумаги упали и были унесены обильно текущей водой. Внизу в холле его заметил агент секретной полиции. Вокруг находились хорошо одетые иностранцы. Агент попросил предъявить документы. Когда К. объяснил случившееся, агент не поверил ни единому слову и забрал его на допрос... Судья приговорил К. к четырем годам заключения в трудовых лагерях...»

Опять сплошное вранье, но на этот раз с еще более сильным запахом.

Думаю, честные, способные к объективному мышлению американцы согласятся с нами и признают, что считать писсуарного литератора Джозефа Новака порядочным человеком нельзя.

Леонид ЛЕНЧ

Оценивая на Генеральной Ассамблее ООН бесплодную работу по проблемам разоружения Комитета пяти, Н. С. Хрущев сказал: «Мы увидели, что единственное, чем занимаются в этом комитете серьезно,— это пьют чай...»

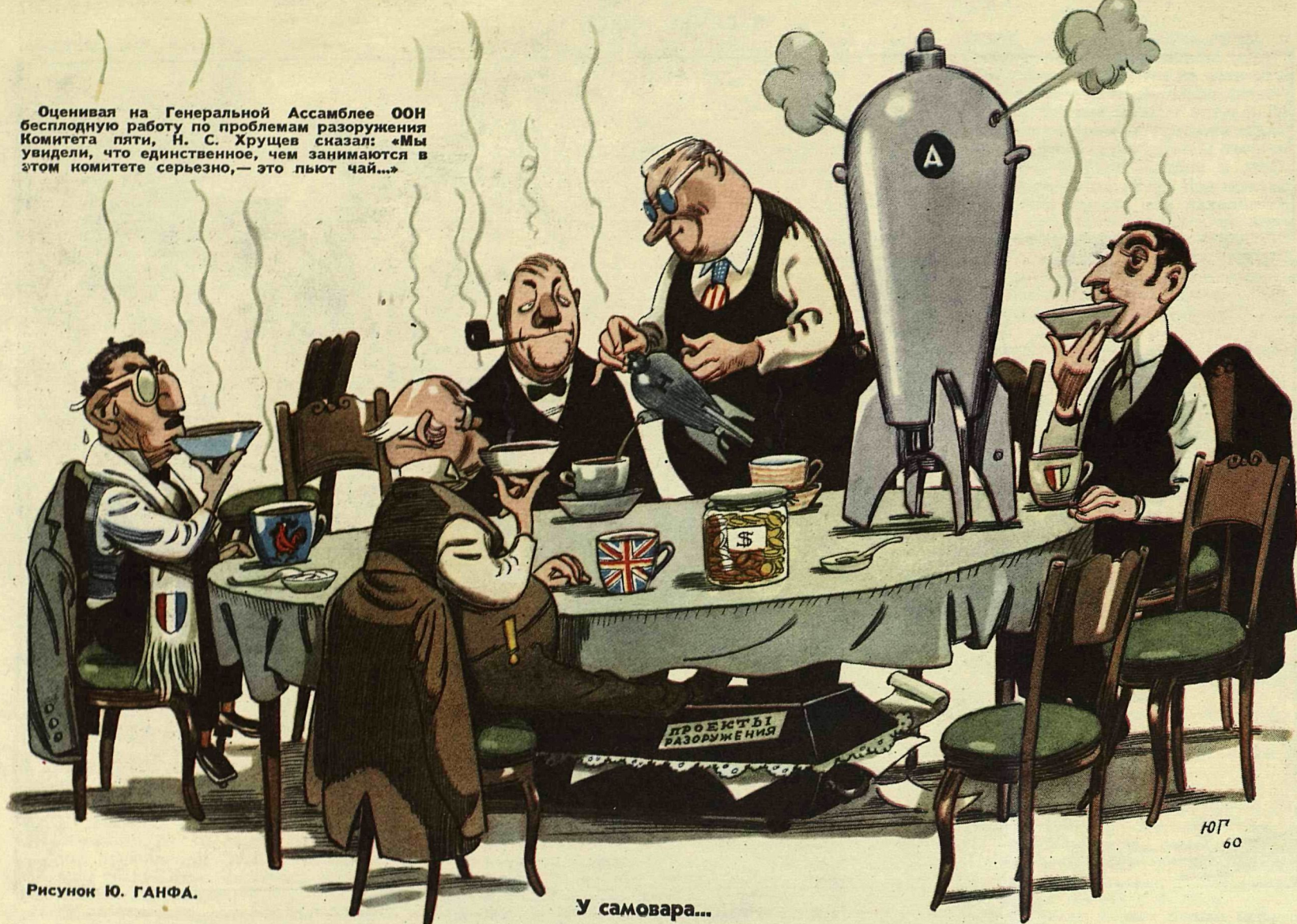

Рисунок Ю. ГАНФА.

У самовара...

ПАМФЛЕТ

ЧЕЛОВЕК

ПОКРЫТОЕ склеротическими морщинами лицо, глаза цвета застоявшейся морской воды, покатые, как у женщины, плечи... Вот его портрет. Кто он?

Проворные борзописцы, чье борзописание щедро вознаграждается долларами, франками и фунтами стерлингов, не жалуют чернил на сочинение благопристойных и достаточно выпренных эпитетов, должествующих увековечить его фигуру:

«Всемирно известный арбитр...»,
 «Сверхнациональная личность...»,
 «Мост между реальным положением в мире и идеалом мира во всем мире...»,
 Есть определения более скромные:
 «Темная лошадка...»,
 «Тихий человек в жарком месте...».

Но ни одно из них не точно. Он просто человек в услужении.

Были такие во времена лакированных извозчицких пролеток на дутых шинах, цыганских песен и плясок у «Яра» и приземистых язуских лабазов.

- Чего изволите, ваше степенство?
- Как вашему степенству будет угодно!
- Готов, ваше степенство, служить до гроба!

Так говорил этот человек.

Были у Тит Титыча свои приказчики и кучера, кассиры и поварики, дворники и судебные крючки. Но среди всей этой бесчисленной челяди он держался особняком. И о собственной персоне всегда отзывался скромно, даже несколько загадочно:

— Состою-с в услужении у их степенства...

Совершенно невозможно более или менее точно очертить круг его обязанностей. Но зато можно было вполне определенно сказать:

нет такого самого грязного и подлого дела, за которое не взялся бы человек, состоящий в услужении.

Таков и Даг Яльмар Агне Карл Хаммаршельд.

Когда 7 апреля 1953 года человек с этим длинным, как нескладная песня, именем уселся в кресло генерального секретаря ООН, ни на юге Швеции, откуда родом Даг Хаммаршельд, ни в самой шведской столице не палили из пушек и не устраивали фейерверков. Никто не обманывался на тот счет, что швед Хаммаршельд переселился с холодной Балтики на теплые берега Ист-Ривер совсем не для того, чтобы служить шведскому знамени, как, впрочем, и интернациональному флагу ООН.

Со знаменем вообще произошла какая-то неувязка. Над сорокаэтажным зданием штаб-квартиры ООН развеялся голубой флаг Объединенных Наций. И это видели все довольно явственно. Все, за исключением генерального секретаря. Ему знамя ООН в первые же дни пребывания на новом посту представилось звездно-полосатым. И генеральный секретарь поймал себя на том, что мучительно подсчитывает несуществующие белые звезды на голубом фоне этого знамени. Сколько их? Сорок восемь или пятьдесят? Не произошло ли какой ошибки?

Свой кабинет Хаммаршельд оборудовал на сороковом этаже, под самой крышей.

— Отсюда мне будет виден весь мир,— милостиво соизволил пошутить генеральный секретарь.

Но, странное дело, закаленное в альпинистских походах зрение Дага Хаммаршельда и тут сыграло над ним злую шутку: кроме купола

Капитолия, крыши Белого дома и еще нескольких более или менее значительных зданий, расположенных в Вашингтоне, генеральный секретарь из широких окон своего кабинета ничего не увидел. Произошел довольно редкий в медицинской практике случай: дальтонизм и близорукость соединились в одном человеке.

Но медицина, пожалуй, в данном случае ни при чем. Скоропалитный «американизм» Дага Хаммаршельда имеет более простое объяснение: ведь лабазы и конторы их степенства, которому служит генеральный секретарь, расположены в Вашингтоне. И вполне естественно, что уже в самом начале своей карьеры Хаммаршельд обратился за инструкциями именно в Вашингтон:

— Чего изволите, ваше степенство?

Их степенство изволило очень многое. Прежде всего оно пожелало превратить ООН, и в частности ее исполнительный аппарат, в филиал госдепартамента.

Хаммаршельд с готовностью бросился исполнять это пожелание. И для начала «реорганизовал» аппарат секретариата. Вот плоды этой реорганизации.

В аппарате ООН 28 постов заместителей генерального секретаря и приравненных к ним лиц. Из них 17 занимают США и другие западные страны, входящие в военные блоки, а социалистические страны — 1 пост.

Из 34 директорских постов:

США и западные страны занимают 28 постов;
 нейтралистские страны — 5 постов;
 социалистические — 1 пост.

В юридическом департаменте секретариата ООН 30 сотрудников, 22 из них — граждане США и стран, входящих в западные блоки.

ТОНКОЕ РАЗЛИЧИЕ

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

— Мы черных всегда любили, как родных! Но если они требуют свободы и независимости, то это уже не черные, а красные!

У С Л У Ж Е Н И И

Право, грешно упрекать этих славных ребят за то, что на заседаниях бесчисленных комитетов и комиссий ООН они зверски зевают, ковыряют в носу и занимаются еще черт знает чем! Скучно им, неинтересно. Это надо понять. Но зато как они оживляются, какое проявляют рвение, когда раздастся голос из Белого дома, госдепартамента или штаба НАТО! Они впитывают советы и указания своих хозяев с не меньшим проворством, чем знаменитые американские соусы в кафетериях Манхэттена.

Человек в услужении может законно гордиться делами своих рук: в штаб-квартире ООН он создал образцовый филиал госдепартамента США.

Даг Хаммаршельд хотя и страдает близорукостью, но не может не замечать, что в мире время от времени происходят какие-то события. Например, в Лаосе, Конго или Гвинее. В этих случаях генеральный секретарь снова сносится с Вашингтоном:

— Как вашему степенству будет угодно распорядиться?

И в точном соответствии с полученными указаниями рассылает во все концы света оравы своих представителей, наблюдателей и экспертов. Комплекуются эти команды всегда только из ипроков, защищающих цвета США и их партнеров. Смысла нет напоминать Дагу Хаммаршельду, что честность и объективность нужны не только в спорте, но и в политике. Уж он-то знает, что делает!

Бедное племя командированных, осмеянное многими поколениями газетных фельетонистов и куплетистов эстрады! Ну разве снились вам когда-нибудь подобные масштабы?

Миссия, самовольно направленная Хаммар-

шельдом в Лаос якобы для «координации» технической помощи, съела за год 260 тысяч долларов, хотя сама помощь ООН Лаосу не превысила 213 тысяч долларов. Вот это размах!

Или взять голландца Пельта, командированного Хаммаршельдом в Гвинею для определения размеров технической помощи этой стране. Его вояж обошелся ООН в 40 тысяч долларов. А результат командировки? Пельт пришел к такому глубокомысленному выводу: Гвинея вообще в технической помощи не нуждается. Ну как после этого не пожалеть скромного посланца райзаготконторы, которого шпыняют на всех собраниях и совещаниях за перерасход командировочных средств в сумме 03 руб. 03 коп.? Ведь по сравнению с летучим голландцем он просто ангел, самый что ни на есть невиннейший плод непорочного зачатия!

Хаммаршельд не только рассылает во все стороны своих преданных гонцов, он любит развезжать и сам. Между прочим, и в те уголки земного шара, где его никто не ждет.

Результат поездки генерального секретаря в Конго известен всему миру. И когда на Генеральной Ассамблее ООН был поднят вопрос о том, что Хаммаршельд вел себя в этой стране как агент колониалистов, Гертер немедленно пришел на помощь своему служающему. Он вручил Хаммаршельду чек на 5 миллионов долларов со словами:

— Для Конго.

Но все, кто еще не утратил способности видеть и слышать, внесли в эту фразу небольшую, но очень существенную поправку:

— За Конго!

Как всякий человек, состоящий в услужении, Хаммаршельд в лепешку расшибается,

чтобы ничем не нарушить интересов их степенства.

Выводы «комиссий», «наблюдателей», «экспертов» — какие вам угодно-с!

Доклады, меморандумы, речи — какие желаете-с!

Кстати, о речах. Каждый человек, состоящий в услужении, должен обладать даром красноречия. Даг Хаммаршельд в этом отношении просто находка. Недаром западногерманский журнал «Дер шпигель» писал недавно: «Анализируя речи Хаммаршельда, убеждаешься в том, что, говоря часами, он, в сущности, не говорит ни о чем...».

И очень метко Дага Хаммаршельда сравнивают иногда с Керенским. Тот ведь тоже, бродяга, умел поточить ляды!

А мания величия? Чего, например, стоят заявления генерального секретаря о том, что его поступки и действия «будет судить история! Ведь это вылитый Александр Федорович!

Но надежды Хаммаршельда на историю напрасны. На ее страницах не найдется места для человека с длинной шведской фамилией.

Как бы ни сопротивлялись этому империалистические державы, здравый смысл победит. Время единоличного правления на Ист-Ривер Дага Хаммаршельда кончится, секретариат ООН на деле станет универсальным органом, представляющим интересы всех стран. И может быть, только в лакейских Вашингтона и Нью-Йорка когда-нибудь вспомнят о Хаммаршельде:

— Старательный был малый, услужливый. Помните, как говаривал, бывало: «Чего изволите, ваше степенство?»

М. СЕМЕНОВ

ОТ КАЛИНИНГРАДА...

ЗАМЕТКИ ОЧЕВИДЦА

III О МНОГИМ причинам я предлагаю эти заметки читателям Крокодила с большим волнением. Во-первых, я выступаю в сатирическом журнале как новичок. Во-вторых, тема моих заметок скорее подходит для жанра документального очерка или обстоятельного политического обозрения. В-третьих, в печати появилось много отличных статей на эту тему, и добавить что-то новое довольно трудно. В-четвертых... Впрочем, так я и впрямь могу убедить читателей, что писать мне вовсе не стоило. Поэтому надо скорее приступить к рассказу.

БУРЯ ВОКРУГ «БАЛТИКИ»

«Балтика», на которой отбыли в Нью-Йорк на сессию ООН советская делегация во главе с Н. С. Хрущевым, делегации Венгрии, Румынии, Болгарии, Украины, Белоруссии, обычно ходит между Ленинградом и Лондоном. В океане она выглядит подростком. Огромные лайнеры «Куин Мэри», «Куин Элизабет», «Иль де Франс», систематически курсирующие между Европой и Америкой, больше «Балтики» в несколько раз. К тому же бывалые моряки говорили, что сентябрь не очень подходящее время для путешествия через Атлантику на таком судне. Когда мы плыли, западные газеты загадочно писали: неизвестно еще, чем кончится это «рискованное» путешествие.

Что они имели в виду? Штормы, которые бывают в это время года, или американские подводные лодки, присосавшиеся к судну за несколько дней пути до Нью-Йорка? Во всяком случае, Нептун, очевидно, не читает американской прессы, и потому море было настроено вполне мирно. «Балтика» благополучно прошла проливами Зунд, Скаггерак и Каттегат. Морские дороги здесь благоустроены лучше, чем транспортные магистрали в столицах государств, мимо берегов которых мы проплывали, хотя на море и нет светофоров. Миновали Ла-Манш, попрощались с неприветливыми берегами Альбиона и вышли в необозримые просторы Атлантики. Она, как бы стесняясь бе-

регов, которые омывает, оказалась удивительно доброй и ласковой к нашему судну. Не было ни штормов, ни серьезной качки. В солнечные дни пассажиры нежились под лучами осеннего солнца.

Зато радиостанция «Балтики» каждый день и каждый час сообщала о политических бурях и газетных штормах, бушевавших вокруг судна. От дипломатической качки многие империалистические дипломаты почувствовали себя неважно.

Падкая до сенсаций западная пресса писала, что наше судно «окутано тайной» что оно везет какое-то новое «советское секретное оружие».

В свободные от работы часы на палубах «Балтики» коротали время за забавной игрой. Палкой, похожей на ухвет, надо было загонять деревянные плоские диски в расчерченный на клетки квадрат и набрать как можно больше очков. Смеясь над сообщениями западной прессы, пассажиры «Балтики», когда собирались погонять диски, говорили другу другу:

— Пойдем пустим в ход «секретное оружие».

ВЕЧНЫЕ СПУТНИКИ

19 сентября, в день прихода в Нью-Йорк, на «Балтике» проснулись рано. Всех подняло оглушительное стрекотание вертолетов. Гигантские стрекозы встретили наше судно на подходах к городу и сопровождали до пирса, где должна была пришвартоваться «Балтика». Там и вышли на свою орбиту неизменные спутники советской делегации — многочисленные корреспонденты прессы, радио, телевидения.

День был пасмурный, дождливый, статью Свободы окутала мгла, небоскребы еле-еле вырисовывались в плотном тумане. Фасад Америки выглядел явно унылым. Пирс был старым, через дырявую крышу лились обильные струи воды. Несметное число корреспондентов терпеливо выдерживало холодный душ. Не мудрено, что их так и подмывало написать о холодной встрече. Бесперывно щелкала фотокамерами, репортеры лихорадочно записывали слова главы советской делегации.

Четырехэтажный особняк на Парк-авеню, — пожалуй, самое низкое здание на этой улице небоскребов. В этом ничем не примечательном здании была резиденция главы советской делегации. Полиция перекрыла доступ к дому деревянными заборчиками, и только для корреспондентов у самого подъезда была отведена специальная площадка размером в обычную редакционную комнату. И вот в эту «каморку» набивались десятки корреспондентов с фото- и кинокамерами, звукозаписывающими аппаратами, телевизионными установками. В закутке буквально целая была повернуться. Корреспонденты дежурили с раннего утра и до поздней ночи, приходили в плащах, с термосами, бутербродами. Недаром многие шутили, что им никогда не приходилось столько дышать свежим воздухом, как во время визита Н. С. Хрущева. К тому же надо учесть, что это были не рядовые корреспонденты. Часами и сутками на улице дежурили видные обозреватели американской прессы.

Сначала главе советской делегации не разрешали выезжать даже в Гленков — обычную резиденцию наших делегаций на сессии Ассамблеи ООН, расположенную в пятидесяти — шестидесяти километрах от Нью-Йорка. Видимо, поняв в конце концов, что они делают глупость, американские власти отступились. Нашей делегации было разрешено выехать в Гленков. Члены делегации выехали туда в субботу, а мы, несколько журналистов, поехали в Гленков рано утром в воскресенье. Около ворот дачи, на обочине дороги, были раскинуты раскладушки, шезлонги, портативные

стулья, и в них еще дремали закутанные в пледы и плащи корреспонденты. Кое-кто уже проснулся, умывается из термоса, закусывает кофе с бутербродами.

Но вообще американские журналисты не дремали. Они ходили за главой нашей делегации стаями, ловили каждое слово. И это несмотря на то, что госдепартамент несколько раз буквально заклинал прессу во имя американского патриотизма поменьше уделять внимания советской делегации.

Как-то Н. С. Хрущев вышел на балкон нашего представительства в Нью-Йорке подышать воздухом. Корреспонденты, дежурившие у здания, атаковали его пулеметной очередью вопросов. Привожу из своего блокнота лишь небольшую часть этого диалога.

— Кого вы хотели бы приветствовать в качестве преемника Эйзенхауэра?

— Вас буду приветствовать, если выберут.

— Как вы относитесь к новым предложениям США об «открытом небе»?

— Летайте над своим небом, а над нашим мы летать не разрешаем.

— У вас давно такая привычка — проводить пресс-конференцию с балкона, с высоты?

— Наша страна высоко поднялась в своем развитии, вот я и говорю с вами с этой высоты.

— Не собираетесь ли вы прогуляться по Нью-Йорку?

— Я и так доставляю слишком много хлопот вашей полиции.

— Когда вы решили выйти к нам?

— Позавтракал и захотел прогуляться, балкон — единственная территория, ответственная мне вашими властями.

— А у вас в стране есть свобода выборов?

— У нас штанов нет. Все ходят без штанов. Бегите скорей и напишите об этом.

Один из корреспондентов как-то сказал Никите Сергеевичу:

— Как вы, мистер Хрущев, не деликатно поступаете в отношении наших кандидатов в президенты Кеннеди и Никсона, вытеснив их с первых полос газет.

Действительно, интерес американской общественности к предложениям советской делегации, к личности ее главы был на-

Рисунки Н. СЕМЕНОВА.

«ВЕСТНИК СВОБОДЫ»

Советские журналисты жили в отеле на Парк-авеню, рядом с советским представительством в ООН. Мы ложились спать и просыпались под вой полицейских сирен. На время сессии в Нью-Йорк было стянуто что-то около двадцати пяти тысяч полицейских. Глав правительств, а их съехалось в Нью-Йорк свыше тридцати, сопровождало множество мотоциклистов, полицейских машин. Машины эти окрашены в ярко-желтый цвет, на крыше установлен вращающийся красный фонарь типа маяка. Каждый раз набирается целая кавалькада, или, точнее говоря, «мотоцикада», которая со страшным воем и свистом мчит-ся по улицам.

Как-то, дожидаясь приезда в наше представительство Фиделя Кастро, мы стояли у подъезда особняка на Парк-авеню. Кастро несколько задерживался. Вдруг на затихшей улице слышим неистовый вой полицейской сирены. На огромной скорости по улице летел полицейский мотоцикл. Кто-то из наших ребят сказал: «Ну вот, появился американский вестник свободы, значит, сейчас придет Кастро». И действительно, статуя полицейского на мотоцикле вполне могла бы заменить статую Свободы как символ американской «демократии».

В другой раз, торопясь из Гленкова в Нью-Йорк, мы решили пристроиться за машинами товарищей Н. В. Подгорного и К. Т. Мазурова. Пришлось ехать по туннелю длиной километра полтора-два. Машины там идут в несколько рядов. Как только кортеж въехал в туннель, полицейские включили сирены на полную мощность, кровавые блики фонарей отражались на белых изразцовых стенах. На огромной скорости полицейские мотоциклы буквально отшвыривали в стороны посторонние машины. Усердие полиции было просто потрясающим и напоминало какой-то шабаш ведьм на Лысой горе.

Советский шофер, сидевший за рулем нашей машины, человек спокойный и рассудительный, сказал по этому поводу:

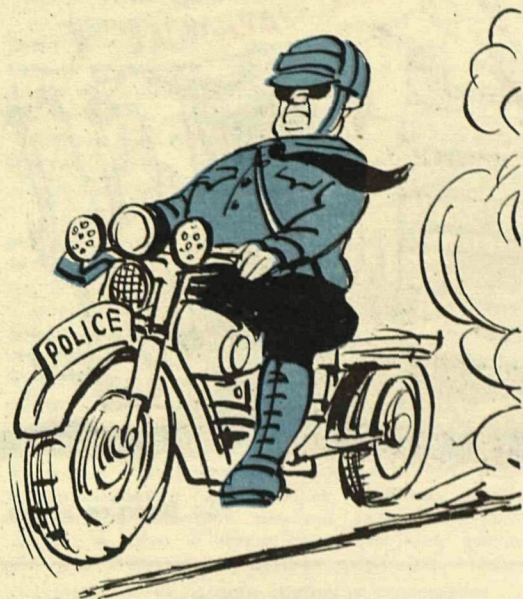
— Смотрите, с каким рвением буржуазия сопровождает представителей рабочего класса.

СПИНОЙ К УОРДСВОРТУ

По сложившейся годами грустной традиции, в ООН выступают вежливо, говорят о вещах в обтекаемых фразах, часто скрывают свои мысли (когда, впрочем, есть что скрывать). Глава советской делегации нарушил эту традицию. Он говорил без дипломатических улыбок, без извинений и реверансов. Колонизаторов он называл колонизаторами, империалистов — империалистами, холоуев — холоуями, а господина Хаммаршельда, генерального секретаря ООН, — защитником колонизаторов. Когда выступал Хрущев, в зале бушевали страсти.

В такие минуты любопытно было смотреть на лица делегатов. Представители стран, зависимых от США, часто забывали о своем хозяине, улыбались, смеялись и аплодировали тогда, когда им надо было сохранять холодное равнодушие. Все-таки люди остаются людьми. Когда они слышат искреннее, страстное слово, острую шутку, они забывают подчас, какой мандат лежит у них в кармане, забывают о ниточке, за которую их могут дернуть.

Днем 13 октября Н. С. Хрущев выступил в Ассамблее с последней речью, попрощался с делегатами, выразил удовлетворение голосованием по колониальному вопросу. Сказав это, он сел на свое место (советская делегация занимала места в конце зала). Предоставили слово постоянному представителю США в ООН господину Уордсворту. Он поднялся на трибуну. А в это время госпо-

дин Хаммаршельд из-за стола президиума пошел к Н. С. Хрущеву, чтобы попрощаться. Они говорили несколько минут.

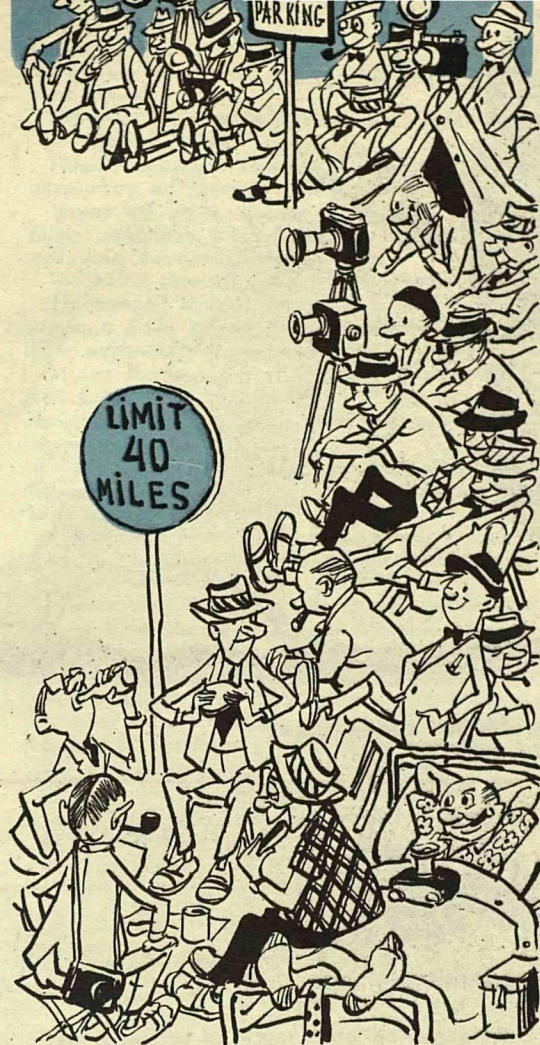
Все сидящие в зале повернулись в их сторону, и получилось так, что все они оказались сидящими спиной к делегату США. Обычное самообладание изменило Уордсворту, он растерялся, не зная, говорить ли ему или замолчать.

Это было символическое зрелище. Казалось, сессия ООН вполне могла обойтись без речей представителя США. В связи с этим инцидентом в кулуарах ООН рассматривали анекдот о президенте США. Смысл его таков: Рузвельт доказал, что президентом США можно быть до самой смерти; Трумэн доказал, что президентом США может быть каждый; Эйзенхауэр же доказал, что Соединенные Штаты Америки вполне могут обойтись без президента.

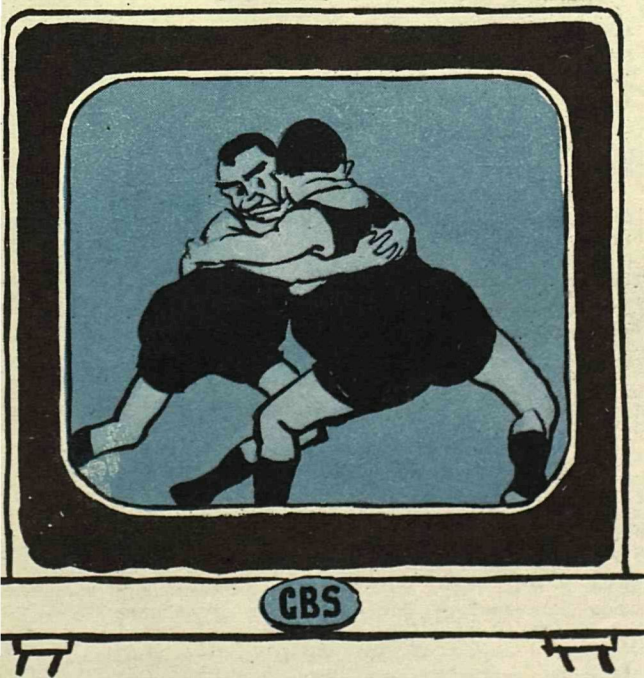
Я не рассказал о многих драматических и смешных эпизодах в работе сессии ООН. О переполненном зале, забытых гостями лужах и балконах, когда выступали главы правительств, и о переполненных кулуарах и пустом зале, когда говорили искушенные в пустых парламентских дебатах дипломатические болтуны. Об американских дамах, которые считали «ужасно модным» показать свои туалеты в холлах или барах стеклянного здания ООН на Ист-Ривер. О том, как подвергся всеобщему осмеянию представитель Филиппин. Пытаясь смыть с себя ярлык американского подголоска, он пустился в филологические исследования синонимов слова «холуй». «Идиот, дурак, балбес», — говорил он, не замечая гомерического хохота зала. О том, как, не выдержав накала страстей в разгар полемики, председатель Ассамблеи ирландец Болэнд в ярости сломал свой председательский молоток. О том, как жалко выглядели на другой день делегаты США и Англии, вынужденные снять свои возражения и присоединиться к советскому предложению по колониальному вопросу.

Рассказывают, что в сентябре к берегам Америки приближался ураган. Природа смилостивилась, буря не разразилась. Но политический ураган, ворвавшийся в штаб-квартиру Организации Объединенных Наций, думается, будет еще долго бушевать. Может быть, он наконец проветрит это прокурное сверху донизу здание, и ООН почувствует дыхание времени, увидит настоящее лицо современного мира, услышит, как громко требует мира человечество, уставшее от «холодной войны».

Дм. РЫБАКОВ

столько велик, что президентские выборы отошли на второй план. Кстати о выборах. В это время проходили широко разрекламированные диспуты Никсона и Кеннеди по телевидению. Кандидаты в президенты по очереди отвечали на вопросы обозревателей. Мы смотрели первый раунд телеборьбы. Зрелище довольно смешное. На другой день мы прочли в нью-йоркских газетах, что республиканцы ругали телевизионную компанию за то, что она недостаточно хорошо загримировала Никсона и вид у него был «несколько болезненный». Напомним, что речь шла не об актере, первом любовнике или комике-резонере, а о кандидате в президенты США. Это наводило на грустные мысли о хваленной американской демократии.

— Режьте меня, жарьте на медленном огне — не пойду я в такое хранилище!

Борис ЕГОРОВ

Любке везет...

РАССКАЗ

ЛЮБА Мотылькова сидела за своим рабочим столом и листала журналы.

— Ой, девочки! — вдруг воскликнула она. — Ужасно чудно: в Новой Зеландии здороваются совсем не как у нас. Встречаются и трутся носами...

«Девочками» были коллеги Мотыльковой — сотрудницы справочной научной библиотеки. Старший референт Капитолина Капитоновна повернулась к Любе и строго посмотрела на нее поверх очков: она не терпела, когда ее отвлекали.

Но дисциплинирующий взгляд Капитолины Капитоновны на Мотылькову действия не произвел, и через несколько минут она снова нарушила сосредоточенную тишину референтского зала:

— Вот это да! Никогда не подозревала. Оказывается, стрекоза имеет на каждой ноге по три уха. У нее пять глаз и два сердца. Последнее схоже со мной...

Капитолина Капитоновна сдернула очки и раздраженно сказала:

— Ну, знает!

Может быть, и дальше бы продолжала удивлять Мотылькова своих товарищей новостями, но вошла курьерша и объявила:

— Младшего референта Мотылькову — к директору!

Люба скрылась за стеклянной перегородкой, отделявшей референтский зал от кабинета директора. Вернулась она только через полчаса.

Первым ее увидел молодой сотрудник, которого все звали Валерием, или Лерой. Он был очень юн, и отчество абсолютно «не приклеивалось» к его имени. Не говоря уже о фамилии, которую знали, видимо, только в отделе кадров.

— Ну, что там было? — спросил Лера.

— Молодым везде у нас дорога, — ироническим тоном произнесла Мотылькова. — Как обычно, Юрий Карпович давал интервью...

Лера погрузился в образном языке Мотыльковой «давать интервью» значило то же самое, что «кустаривать разнос», «давать нагоняй».

Молодой референт был явно неравнодушен к Любе. Впрочем, каждый мужчина в его возрасте и холостячком положении испытывал бы то же самое.

Нежный овал лица, васильковые глаза и обаятельная улыбка, в которой воплощались

наивность, невинность и кокетство, не могли не ввергнуть его в лирику и задумчивость.

Застенчивый и несмелый Лера чувство свое пытался скрывать. Но кое-что все-таки ускользало от его контроля и прорывалось наружу.

Мотылькова делала вид, что ничего не замечает. Впрочем, не замечать ей приходилось многих.

Пожалуй, единственным человеком, избавленным от гипнотического влияния Любиных глаз, был директор Юрий Карпович, мужчина средних лет с маленькой бородкой и очень толстой нижней губой.

Когда у Юрия Карповича начиналось с Мотыльковой очередное «интервью», он старался держаться спокойно, называл ее Любой, даже Любочкой, терпеливо объяснял, в чем и где она ошиблась.

Видя, что над нею сгущаются тучи, и пытаясь развеять их, Люба пускала в ход свою улыбку.

На какое-то мгновение лицо Юрия Карповича добрело, светлело. Но директор быстро ловил себя на этом и спохватывался.

— Довольно очарования! — кричал он голосом человека, отпугивающего от себя черта. — Любовь Петровна, давайте будем серьезны.

Если директор обращался по имени-отчеству, значит, он рассердился. При этом губа его несколько отвисала.

На следующем этапе разговора она принимала крайнее нижнее положение, вывернувшись, что называется, наизнанку, и Юрий Карпович, хрипя от волнения, выговаривал по слогам:

— То-ва-рищ Мо-тыль-ко-ва...

Это бывало тогда, когда Люба начинала защищаться:

— Ну, конечно, вы вообще не любите молодых.

«Такое нежное, изящное существо, — думал про себя Юрий Карпович, — но сколько же в нем нахальства! И, главное, знает, как обороняться: «молодых не любите!» Или еще: «не хотят со мной повозиться», «не чувствую помощи коллектива».

— Ну какая же вам, товарищ Мотылькова, помощь, если вы пишете: «метлахская шкатулка!» — кипятился Юрий Карпович. — Шкатулки бывают палехские. А метлахские — знаете, что такое?

Люба смотрела на директора широко открытыми глазами. В них, как в майском небе, были синева и пустота.

— Метлахские! — плитки, которыми выстилают пол в туалетах.

— Хорошо, буду знать...

— Ну, вы хоть бы в энциклопедию посмотрели...

— А там разве есть? — искренне удивлялась Мотылькова. — Почему же Капитолина Капитоновна мне не подсказала?

Люба всегда была права. По ее мнению, кто-то постоянно должен был ей помогать. В чью-то обязанность входило подсказывать, напоминать, наталкивать, советовать, предупреждать.

Это имело корни исторические. Когда Мотылькова училась в школе, к ней прикрепляли сильных учеников. Она шагала из класса в класс «на буксире у пятерочников». Дома к Любе была прикреплена бабушка.

Не осталась Мотылькова без опеки и в институте. Над ней шефствовали два студента. Один — по линии иностранных языков, другой — по социально-экономическим дисциплинам. И если Люба не блистала знаниями, шефов упрекали: что же, мол, вы не втолковали ей, успеваемость в группе снижаете.

Правда, такое случалось не часто. Экзамены Мотылькова «проскакивала» с удивительной

легкостью, хотя и не очень «надрывалась» над учебниками.

Подруги разводили руками и говорили:

— Любке везет.

После института она хотела поступить в аспирантуру, но здесь фортуна ей не улыбнулась.

Узнав об этом, бабушка, которая в семье была наиболее реалистически мыслящим человеком, сказала Любе:

— Эх ты, аспирантура! Куда уж тебе!

На вопрос «куда» помог ответить папа. Он устроил дочь младшим референтом справочной научной библиотеки.

И вот Люба сидит за столом, шлифует пилкой ногти, листает журналы и время от времени делится с сотрудниками впечатлениями от прочитанного.

— Ой, девочки, кто бы мог подумать: самая ценная «слоновая кость» добывается из клыков бегемота!..

— Любопытно! В 110 лет фараон Рамзес II одержал свои самые выдающиеся победы. Вот это был мужчина!

Капитолина Капитоновна со временем привыкла к ее болтовне, и если Мотылькова молчала, это старшему референту казалось подозрительным. Однажды, пораженная долгой тишиной, Капитолина Капитоновна посмотрела в сторону Мотыльковой и увидела нечто необыкновенное: Люба нагнулась над стаканом с водой и держит в нем высунутый язык.

— Что это за процедура, объясните!

Люба вынула язык из стакана и чистосердечно поведала:

— Крыжовнику наелась. Щиплет ужасно. А в воде ничего.

«Капка», как неофициально называла Мотылькова старшего референта, сообщила об этом Юрию Карповичу. И снова было «интервью». И опять поначалу Юрий Карпович называл молодую сотрудницу Любочкой, потом Любовью Петровной, а позже, видя, что никакие речи до нее не доходят, уже хрипел:

— То-ва-рищ Мо-тыль-ко-ва, нель-зя же так! Вы же ничего не делаете!

— Пусть мне дают серьезные поручения.

— Ох, уж сколько их вам давали! А потом кто-то все должен был переделывать заново. Вы хоть со своей обычной работой справляйтесь. Вырезки по папкам разложите!..

Люба парировала привычным приемом:

— Вы, конечно, не любите молодым доверять!..

Когда она снова появилась в референтском зале, Лера, как обычно, спросил:

— Ну, что там было?

— Юрий Карпович полез на принципиальную высоту, но оборвался!..

Взбираться «на принципиальную высоту» директору в конце концов надоело, и когда представился случай освободиться от Мотыльковой, он не пропустил его.

— Вот есть предложение послать одного человека на курсы повышения квалификации, — сказал он Капитолине Капитоновне. — Хочу посоветоваться. Предлагаю Мотылькову.

— Что вы, Юрий Карпович! — возразила старший референт. — У нас есть действительно достойные люди. Возьмите, например, Леру, Валерия... Молодой, способный, старательный, дело понимает... Если еще курсы окончит, то меня заменит, когда на пенсию уйду!..

Юрий Карпович поморщился:

— Верно, конечно. Но этот самый Лера-Валерий и так хорошо работает. И потом неизвестно, возвратят ли его к нам после курсов... А вот Мотылькову пусть лучше не возвращают. Иначе от нее не избавишься!..

Мотылькова была опять «взята на буксир», и через месяц она позвонила по телефону своим знакомым из справочной библиотеки:

— Ой, девочки, мне эти курсы очень понравились! Лекции разные читают, а потом будут экзамены. Это, конечно, для меня не проблема. Я сказала профессору Вифлеемскому, что я в группе самая молодая и опыта у меня, конечно, меньше, чем у других. А он говорит: «Не беда, мы над вами шефство возьмем, будете заниматься с тем, кто посильнее». В общем, живу неплохо. Подружилась тут на курсах с одной женщиной. Мы с ней за одним столом всегда сидим... Она стенографию знает и лекции записывает идеально. А потом расшифровывает и на машинке перепечатывает. Я говорю: «Заложь лишний экземпляр для меня». А она: «Пожалуйста». Так что, когда мне не хочется, я на лекции не хожу!..

«Девочки» положили трубку и вздохнули:

— И везет же Любке!

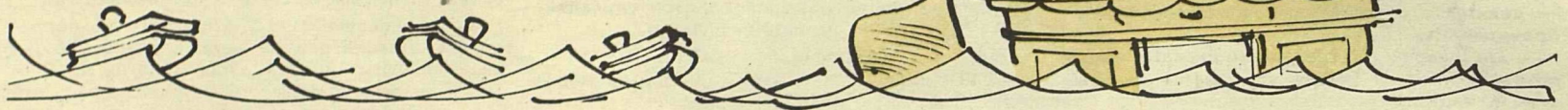
О ТЕХ, КТО НЕ РАБОТАЕТ, А ЕСТ

Рисунок В. ГОРЯЕВА.

— Работать! Нет уж, извините! Пусть за меня лошади работают!

Два юбилея

АХ, ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ! Если бы ты знал, как мне не хочется писать о волоките! И тема стара, как мир, и материал не блещет новизной. Мало ли других сюжетов! Куда приятней было бы поговорить с тобой о том, о сем, кое на что намекнуть без грубых ссылок на конкретные адреса, пожонглировать метафорами, побренчать каламбуром, пощекотать твоё воображение фейерверком кокетливых острот...

Мечты! Где уж там... Десятки людей стоят за моей спиной и торопят: «Не тяни, пиши о деле!»

А дело нудное до изумления.

Еще два года назад в Министерстве речного флота сказали на авторитетном собрании: «Действительно, пора решить этот затянувшийся вопрос».

Святая правда! Особенно если учесть, что упомянутый вопрос был поднят, заострен и поставлен еще в 1951 году. С тех пор ничего, по существу, не изменилось: годы шли, а вопрос стоял. Он крепко врос в благодатную почву канцелярской писанины, густо унавоженную отписками и отговорками.

У каждого вопроса есть своя история... Совершим прыжок в тридцатые годы нашего века. Именно тогда на территории больницы имени Чудновского в Ленинграде появились непрошенные жильцы. В одном из больничных корпусов вместо хилых сердечников и гипертоников разместились плечистые, горластые парни, если чем и страдавшие, то лишь чрезмерным аппетитом. В бывших палатах, в бывших операционных заиграла молодая жизнь, и тоскливый запах медикаментов был надолго вытеснен бодрим ароматом крепкого табака. Проще говоря, часть больницы была занята общежитием студентов Ленинградского института инженеров водного транспорта.

Формальным поводом для этого противозаконного сожительства послужило то обстоятельство, что больницы имени Чудновского также имеет прямое отношение к водному транспорту. В ней по мере надобности ремонтируют свое здоровье моряки и речники всего Северо-Западного бассейна. Добавим кстати, что добрая слава о прекрасных врачах водничьей больницы, об ее отличном оборудовании и передовых методах лечения плаваёт под советским флагом по многим морям и океанам.

В послевоенные годы, когда дружная семья водников значительно увеличилась, когда возросли требования к охране здоровья советских людей, теснота и обида, которые переживала больница, стали нетерпимыми. Койки выползли из палат в коридоры. Крупные специалисты не имеют рабочего места. Ценная медицинская аппаратура ждет своего часа в подвалах. Администрация больницы, профсоюз водников, газеты забили тревогу...

Было такое время, когда флоты речной и морской вливались в одно министерство с такой же закономерностью, как Волга впадает в Каспийское море. Тогда все было проще. На запрос, когда министерство собирается вернуть больнице территорию, последовал

ответ, который в переводе на язык судоводителей звучал бы примерно так:

— Самый малый вперед!

В письме, датированном 1953 годом, заместитель министра тов. Назаров сообщал: «Помещение в Ленинграде по Фонтанке 154 может быть передано Северо-Западному водздравотделу лишь в 1955 году».

Как-никак, но был назван некий более или менее определенный срок и, таким образом, наметилась некая перспектива.

Потом произошло крупное событие. Флоты разделились и разошлись по разным министерствам. В ведомственном смысле Волга перестала впадать в Каспийское море. Появилось даже сомнение, впадала ли она когда-нибудь в таковое.

Перспективу затянуло таким туманом, что впору было включать ревуны. С капитанского мостика Министерства речного флота прозвучали зычные команды:

— Полный назад! Стоп!

Очередная декларация, написанная уже в 1958 году, уточняла сложившуюся обстановку:

«Министерство речного флота в принципе положительно решило вопрос о передаче здания общежития Ленинградского института инженеров водного транспорта площадью свыше 4 тысяч квадратных метров для расширения Ленинградской бассейновой больницы имени Чудновского при условии, что 2 тысячи квадратных метров площади, пригодной для использования под общежитие, будет возмещено ЛИИВТУ Министерством морского флота СССР».

Так к простейшему вопросу об улучшении медицинской помощи работникам водного транспорта был подвешен мертвый якорь межведомственной возни.

Прошло еще два года. Вокруг недвижимого вопроса продолжает вертеться бумажная карусель. Никто не возражает против существа дела. Каждой стороне известны категорические указания об освобождении больничных зданий, занятых посторонними учреждениями. Каждому работнику обоих министерств понятна благородная роль советского здравоохранения. А дело ни с места. Мешает, с позволения сказать, принцип: «Пускай дадут моряки, тогда дадим и мы, речники. А не хотят — как хотят...»

Правда, все больные как были водниками, так и остались ими. Но ведь вода воде рознь! Одно дело — пресная, подведомственная речному министерству, и совсем иное — соленая, опекаемая морским министерством.

Говорят, врачам все едино, кто к ним приходит, речник или моряк. Они не смотрят ни на галуны, ни на кокарды. Они с одинаковым вдохновением вырезают аппендиксы и у штурманов дальнего плавания и у речных бакенщиков. Но благоустроенные министерские канцелярии не могут допустить подобной беспринципности. Они исходят из трезвого расчета. Допустим, половина аппендиксов, вырезаемых в больнице, принадлежит речникам. Но вторая-то половина удаляется у моряков! С какой же стати Министерство речного флота будет отдуваться за недуги чужого ведомства?

С другой стороны, Министерство морского флота еще не убеждено, что на его долю действительно приходится половина всех аппендиксов. Может быть, таковых набирается всего процентов сорок. С какой же стати...

В будущем году водники Северо-Западного бассейна отметят два юбилея: столетие больницы имени Чудновского, основанной еще великим Пироговым, и десятилетие той самой волокиты, о которой мне так не хотелось писать.

Первый — столетний — юбилей наступит неотвратимо. А вот второй может и сорваться. Кто его знает? Вдруг руководители двух министерств встретятся хотя бы на телефонном проводе и объединенными усилиями прикончат эту старую, приевшуюся тему?

Всяко ведь бывает.

Рисунок С. КУЗЬМИНА.

Белая головка.

М. ЛАНСКОЙ

УТЯЖЕЛЕННЫЙ ПРОНЬКА

РАЦПРЕДЛОЖЕНИЕ КРОКОДИЛА

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

ИНУВШИМ летом в Прииртышье вдруг возникла соляная проблема. Началось с того, что старый Казыбай, самый уважаемый в ауле аксакал, пришел в сельмаг и попросил пачку соли: его жена Бизбике собралась готовить бесбармак.

— Соли нет, — ответил продавец. — Все раскупили бурнашовские.

Казыбай сел на коня, объехал окрестные аулы, и всюду продавцы сельпо отвечали:

— Была соль, да вся вышла. Последний мешок вчера взяли бурнашовские...

Думаете, соль скупили жители села по названию Бурнашово? Ничего подобного! В роли оптовых покупателей выступили гонцы управляющего семипалатинской сдаточной конторой «Каззаготскототкорма» С. Н. Бурнашова. Именно они вызвали негодование старого Казыбая и его односельчан.

А зачем, спросите вы, Бурнашову и его подчиненным столько соли?

Если побеседовать об этом с глазу на глаз с самим товарищем Бурнашовым, он, пожалуй, разьяснит:

— За большие привесы дают большие премии. Понятно? Значит, надо умело организовать сдачу скота. В том и соль! Понятно?..

Все-таки непонятно. Ну что ж, тогда попробуем разобраться.

Был, представьте себе, в нагульном гурте откормочного совхоза «Семей-Тау» бычок Пронька. Прекрасный бычок! Он отличался веселым нравом и прекрасным аппетитом. На сочных луговых травах Пронька набирал за сутки до полутора килограммов привеса. Но пришло время, взяли бычка на веревочку, послали на убой.

Тернист и долог был путь Проньки на Семипалатинский мясокомбинат. Полтора месяца брел он по пыльной, каменистой дороге, изредка хватая кустик придорожной горькой полыни и мечтая о глотке воды. К концу почти тысячекilометрового перехода бычок кругообразно преобразился. Его точеные копытца стали похожи на разношенные лапти. Лоснившаяся ранее шерсть потускнела, кожа покрылась коростой.

Эх, Пронька, Пронька! Где же твои четыре центнера живого веса и высшая упитанность?! Все растерял ты на долгом пути!..

Когда гурт пришел на базу семипалатинской сдаточной конторы, глава ее товарищ Бурнашов глянул на Проньку; на его унылых сверстников, помрачнел было, но вскоре рассмеялся и бодро-весело приказал:

— Тащите сюда соль! Да побольше! Где только найдете, отовсюду тащите! Вводим, так сказать, в действие главный резерв...

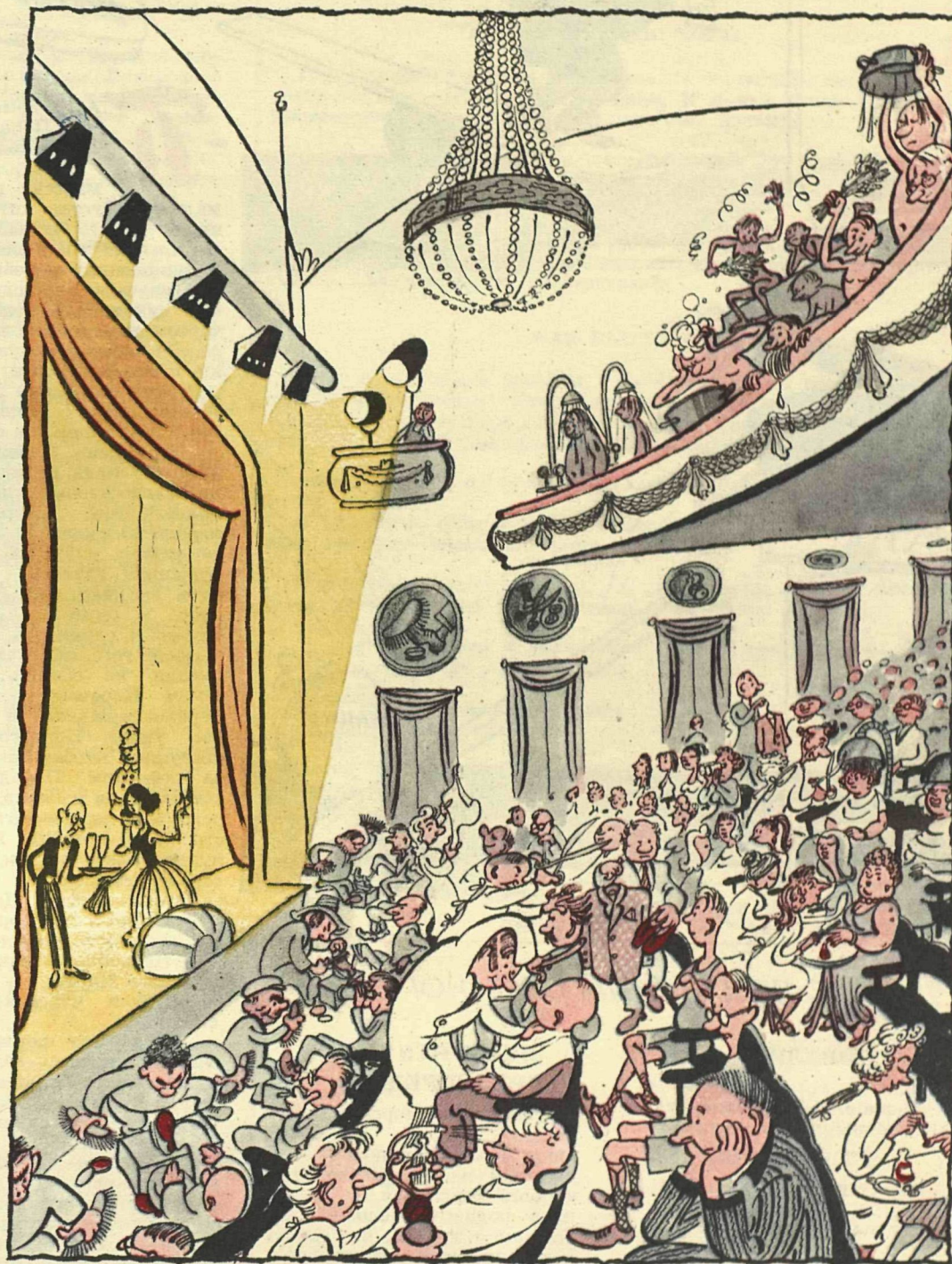
Вот так и начали Проньку утяжелять. Сперва его держали трое суток без корма и без воды. Потом поставили на весы — и они показали триста килограммов. Правда, немного?

Потом Проньку потащили к деревянной колоде с ячменем, и бычок начал жадно хватать корм. На зубах почему-то противно скрипело, гортань была как обожженная. Сквозь скрип и звон в ушах Пронька слышал странный разговор заготскототкормочного начальства с кем-то из подчиненных:

— Сколько соли в комбикорм положили?

— Не вешали, товарищ управляющий, сами понимаете, некогда... На глазок действовали. Однако процентов двадцать будет, не меньше. Отменная соль, в сельпо брали, не где-нибудь... Все в норме, согласно вашим указаниям...

Когда Пронька наелся до отвала, его гнали к озеру. Бычок припал к зеркальной глади озера и пил... пил... пил... Управляющий блаженно улыбался. За всю жизнь Пронька

Как привлечь зрителей на скучный спектакль, используя сочетание театра с комбинатом бытового обслуживания.

не выпил, должно быть, столько воды, сколько в этот свой страшный час.

Потом бычка снова повели к весам. На сей раз они показали четыреста десять килограммов. Хорош привес?

— Ну что ж, — отметил с удовлетворением С. Н. Бурнашов, — теперь можно сдавать. Процесс искусственного утяжеления прошел нормально.

И ближайшей ночью мясокомбинат принял Проньку с пометкой в акте: «Удиганность — высшая». А наутро в сырьевом отделе комбината отчаянно трещали арифмометры. Подключившиеся к сырьевикам работники бухгалтерии тщетно пытались установить, куда же девалась разница между весом, указанным в приемном акте, оплаченным наличными деньгами, и тем, что осталось от Проньки.

Теперь вам все понятно? Не совсем? Вы сомневаетесь в способности Проньки сожрать с

одного захода чуть не все соляные запасы сельских лавок Прииртышья?

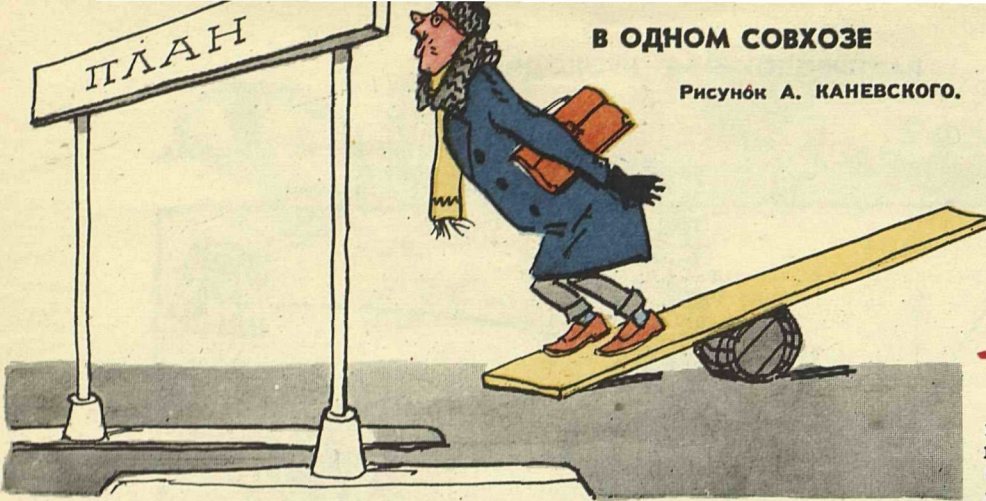
Так ведь Пронька же был не один! Со всех концов тянулись к Семипалатинскому мясоконсервному комбинату гурты и отары. Десятки, сотни тысяч голов. Выбраканные из молочных стад колхозные и совхозные буренки, резвые бычки-кастраты, все лето бродившие в нагульных гуртах, и ленивые валухи тащились по скотогонным трассам, впасть перебирались через бурный Иртыш и его притоки. Когда животные попадали на базу сдаточной конторы, от их бывлой первородной красоты не оставалось и следа.

— На таком тощаке премию не заработаешь, — констатировал Бурнашов. И вводил в действие свой «главный резерв».

Вот в том и вся соль!

Н. ЗВЕРЕВ

г. Семипалатинск.

В ОДНОМ СОВХОЗЕ

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

ДЕЛО о Коляске

ПАПА дома?
— Папа в сарае.
Дрова колет.

С земли поднимается пятилетний мальчик. Пустая штанинка зашита у него повыше колена. Он прыгает мне навстречу, как подшибленный воробышек. Следом из сарая выходит невысокий сухощавый человек в потертом железнодорожном кителе. Он берет мальчугана на руки, и мы заходим в дом.

Спустя несколько минут Егор Александрович рассказывает о горе, постигшем их семью.

...В тот день Сережина мать крепко уснула, вернувшись после круглосуточного дежурства в поликлинике. Старшие дети играли во дворе. Он, Егор Александрович, ушел на работу. Сереженьке удалось выскользнуть из квартиры. Он пересек двор и очутился на путях. Тут-то и случилось несчастье...

После того, как мальчика выписали из больницы, жизнь семьи Царевых осложнилась. Сережа нуждался в специальном уходе. Пришлось нанять старушку, чтобы приглядывала за ребенком. Понадобилась и специальная коляска, чтобы Сережа мог передвигаться без посторонней помощи. На все это нужны были деньги, а доходы семьи невысоки.

Друзья сказали Цареву:

— Подай в суд. Дорога выплатит стоимость коляски.

— Неудобно как-то, — засомневался Царев.

Он был человеком тихим, скромным.

— Суд — это формальность, — сказали друзья. — Финансистам нужно иметь основание, чтобы выплатить деньги. Не станет дорога всерьез судиться из-за трехсот рублей!

Друзья Царева были милыми и несколько наивными людьми. Они жестоко ошиблись. Северо-Кавказская железная дорога запротестовала. Какие деньги?! Какая коляска?! Что за неожиданные претензии? Дорога не может позволить себе непредусмотренных расходов и непоправимых затрат. Такая выплата граничит с расточительством. И по официальной просьбе депо Сулин, чей паровоз сбил мальчика, юридический отдел дороги командировал на станцию Лихая юриста Соколову, чтобы она поставила ремонтного рабочего Царева на место и отбила у него охоту судиться.

Надо сказать, Милица Антоновна была многоопытным юристом. Она была докой, знатоком законов и судебной процедуры. Она умело повела дело. Прежде всего Соколова потребовала установить: кто же виноват в несчастном случае? Она, например, считала, что ответственность должны нести железнодорожники станции Лихая. Почему они не удосужились вывесить на том месте, где Сережа переходил

путь, плакат «Берегись поезда!»?

А раз такого плаката не было, значит, виновато не депо Сулин Северо-Кавказской железной дороги, а станция Лихая Юго-Восточной. С Юго-Восточной и следует взыскать деньги. Казалось бы, логично? Но юристу намекнули, что вряд ли помог бы предупреждающий плакат. Ведь пятилетний Сережа не успел еще овладеть премудростью алфавита...

Тогда Милица Антоновна сделала изящный разворот на 180 градусов. Плакат отпадает? Прекрасно! Она не настаивает. Она отказывается от плаката в пользу эксперимента. Она требует провести эксперимент, чтобы установить истину во всей ее девственной красоте.

Знаете ли вы, дорогой читатель, что такое следственный эксперимент? Это когда с наибольшей точностью воссоздается картина происшествия. Это, так сказать, научно обдуманная инсценировка. И вот уже на станции Лихая выгоняется всамделишный паровоз. На нем всамделишный машинист. И всамделишный стрелочник дудит в свой всамделишный рожок. Только мальчик не настоящий.

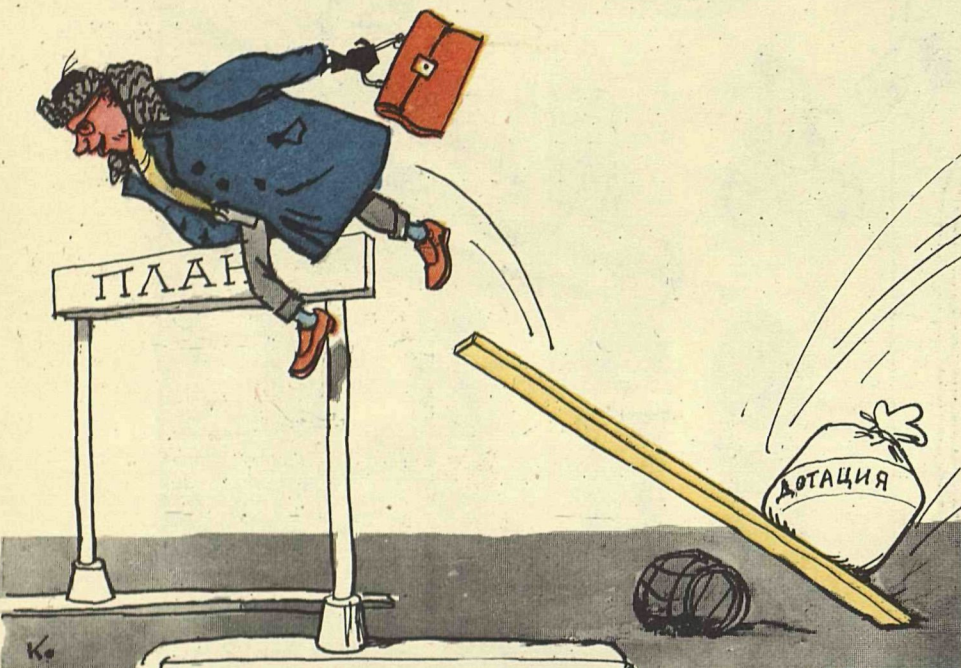
На междупутье ждет сигнала лжемальчик. А вокруг стоят сосредоточенные эксперты с блокнотами. Наконец прозвучал сигнал! Паровоз устремляется вперед. Машинист дает гудки, производит экстренное торможение, эксперты лихорадочно фиксируют свои наблюдения.

Эксперимент закончен.

Эксперты вынесли свое заключение в пользу истца. Казалось бы, все, можно поставить точку. До свидания, Милица Антоновна!

Не тут-то было! Милица Антоновна советуется со старшим юрисконсультантом Карабетовым, а старший юрисконсульт — с начальником юридического отдела управления дороги Сошниковым. И все трое вырабатывают план, который должен повергнуть истца в прах.

Предвзвешая торжество, представительница дороги вновь отбыла на станцию Лихая. На этот раз ее речь в судебном заседании была аргументирована по-новому. Милица Антоновна начала издали. Что такое коляска, как известно, средство для передвижения детей младенческого возраста. Можно ли рассматривать коляску как средство протезирования? Нет, тысячу раз нет! Видит бог, коляска не протез, а протез не коляска. А раз так, то Северо-Кавказская железная дорога не обязана потакать финансовым домогательствам Царевых! Ибо из пункта десятого постановления Верховного суда СССР от 10 июня 1943 года яствует, что суд может обязать причинителя вреда возместить потерпевшим убытки только на дополнитель-

Высота взята.

С ПОДЛИННЫМ СКВЕРНО!

ДОВЕЛИ...

Газета «Комсомолец» в г. Челябинске опубликовала следующее стихотворение:

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Заспешил в деревню
росный вечер,
Лег прохладой на
озерный край.
Вскрикнула овца
по-человечьи,
Не желая заходить
в сарай...

Довели овечку! Заговорила. Сарай-то, наверное, не отвечал правилам техники безопасности. А кому же умирать охота!

ВНЕДРИТЬ И... ПРЕДУПРЕДИТЬ

«Рационализаторское предложение 373-70. «Заделка швов между облицовочными плитами на здании конвертерного отделения с помощью подвески человека на башенном кране», что являлось грубым нарушением правил техники безопасности и дает экономию 5 184 руб., считать внедренным. — автора предложения механика ОКСА т. Рыженского предупредить о неповторении подобных работ».

(Из приказа по заводу).
Сообщил В. ЧЕРЕПАНОВ.

ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Директор Ярославского драматического театра тов. Топтыгин и режиссер тов. Давыдов — люди не только просвещенные, но и справедливые. Поставили пьесу «Сирано де Бержерак» и вполне официально сообщили Управлению по охране авторских прав, что ими «использованы переводы Щепкина и Куперник и Соловьева в равной доле».

В ближайшее время можно, очевидно, надеяться на постановку в Ярославле со строгим соблюдением прав соавторов «Свадьбы Кречинского» Сухова и Кобылина, инсценировки произведения Салтыкова и Щедрина «Господа Головлевы». А там, глядишь, поставят заново «Ревизора» Гоголя и Яновского...

Приятно, черт возьми, иметь дело с просвещенными людьми!

ное питание, специальное лечение и протезирование!..

После такого могучего юридического обоснования последовали устрашающие ссылки на практику высоких судебных инстанций. Однако ни ссылки, ни примеры не подействовали. Скромный районный судья товарищ Свирщик решил дело в пользу Царевых.

Казалось бы, все. До свидания, юридический отдел!

Не тут-то было! В Ростов молниеносно полетела кассационная жалоба. Однако и кассационная коллегия областного суда по гражданским делам подтвердила решение.

Я беседую (уже в Ростове) со старшим юрисконсультом Ростовского отделения дороги Карпом Ивановичем Карабетовым. Судя по всему, Карп Иванович не намерен поставить точку. Есть еще порох в юридических пороховницах! Впереди масса возможностей. Можно подать жалобу в порядке надзора:

председателю областного суда, председателю Верховного суда РСФСР, председателю Верховного суда СССР.

Можно подать, была бы охота. А охота у руководителей депо Сулин товарищ Чернусова и его заместителя Ковалева есть. Они ведь стоят на страже! Они не хотят разбазаривать государственные средства!

Я смотрю в строгие глаза Карпа Ивановича и думаю: «Что это? Ведомственное усердие не по разуму? Чиновничий автоматизм? Службистская тупость?» Сделаем простенький расчет.

На первое судебное разбирательство были вызваны:

2 паровозных машиниста, помощник машиниста, главный кондуктор, 3 работника вагонного депо.

Была создана судебная экспертиза в составе:

заместителя начальника локомотивного отдела Лиховского отделения дороги, технического инспектора профсоюза железнодорожников со станции Лихая и технического инспектора Ростовского областного совета профсоюзов.

Для проведения эксперимента были оторваны от дела:

заместитель начальника станции Лихая, заместитель начальника локомотивного отдела, два технических инспектора, заместитель начальника депо, юрист.

На второе судебное разбирательство были вызваны:

2 машиниста, помощник машиниста, главный кондуктор, заместитель начальника локомотивного отдела, заместитель начальника депо Сулин, начальник станции Лихая.

Все эти люди в дни судебных разбирательств на производстве не работали. Подсчитайте, во сколько обошлось их вынужденное безделье государству. Десять колясок можно бы купить на эти деньги!

Но разве можно вот так просто вдруг взять и выложить триста рублей? Нет, не на таких напали!

И постыдное дело о коляске продолжается...

С. ШАТРОВ

Читай и удивляйся!

НОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Горьковское отделение «Союзпечати» выпустило листовку о подписке на периодические издания. И в ней среди научно-технических журналов, между прочим, названы:

«Автомобильная промышленность»,
«Станки и инструменты»,
«Литературное производство»...

Вот на последнее издание мы бы не прочь подписаться. Только нельзя ли предварительно выяснить, как давно оно выходит вместо «Литературного наследства»?

КАК БЫТЬ?

Жители Ашхабада томятся у расклеенного на всех улицах обязательного постановления горисполкома о правилах вызова «Скорой помощи». Всем хотелось бы знать, как понимать указание, что «Скорую помощь» можно приглашать лишь

«при попадании инородных тел в дыхательные пути».

А как быть, если в дыхательные пути попадут инородные тела местного происхождения?

В полном недоумении и харьковчане, взорам которых предстало такое изящно оформленное объявление:

«Атели «Гумхимпром» срочно требуются на постоянную работу в цеха

1. Мужчины и женщины.
2. Кладовщики».

Хотел бы иной товарищ пойти в кладовщики, да сомневается: стоит ли ему соваться с предложением своих услуг, если он просто мужчина или женщина?

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА.

— За истекшие три квартала мы достигли лишь частичного выполнения плана.

Некоторые хозяйства не выполняют заданий по продаже мяса государству.

«КАТЕГОРИЧЕСКИ ВОСПРЕЩАЕТСЯ»

В СТЕПАНАКЕРТ меня привела служебная командировка. Рано утром, когда я вышел из гостиницы, на трудовую вахту спешили текстильщики, виноделы, строители, мебельщики. Вдруг возле меня возник человек в старомодном костюме и темных очках. Указав тощим перстом на пешеходов, он сказал:

— А ведь они, с моей точки зрения, не такие уж хорошие, как вы думаете. Да, да, я отлично осведомлен. Вот даже пришлось самому сочинить...

Он взял меня за руку и подвел к стене дома, туда, где был приколот лист жести с выведенными на нем масляной краской строками:

«ВНИМАНИЕ! Категорически воспрещается:

- а) умываться под краном;
- б) стирать под краном;
- г) выливать помой с мусором;
- д) бегать по крышам;
- е) играть во дворе в футбол;
- ж) разводить костры;
- з) ломать карнизы, ступеньки, ворота...».

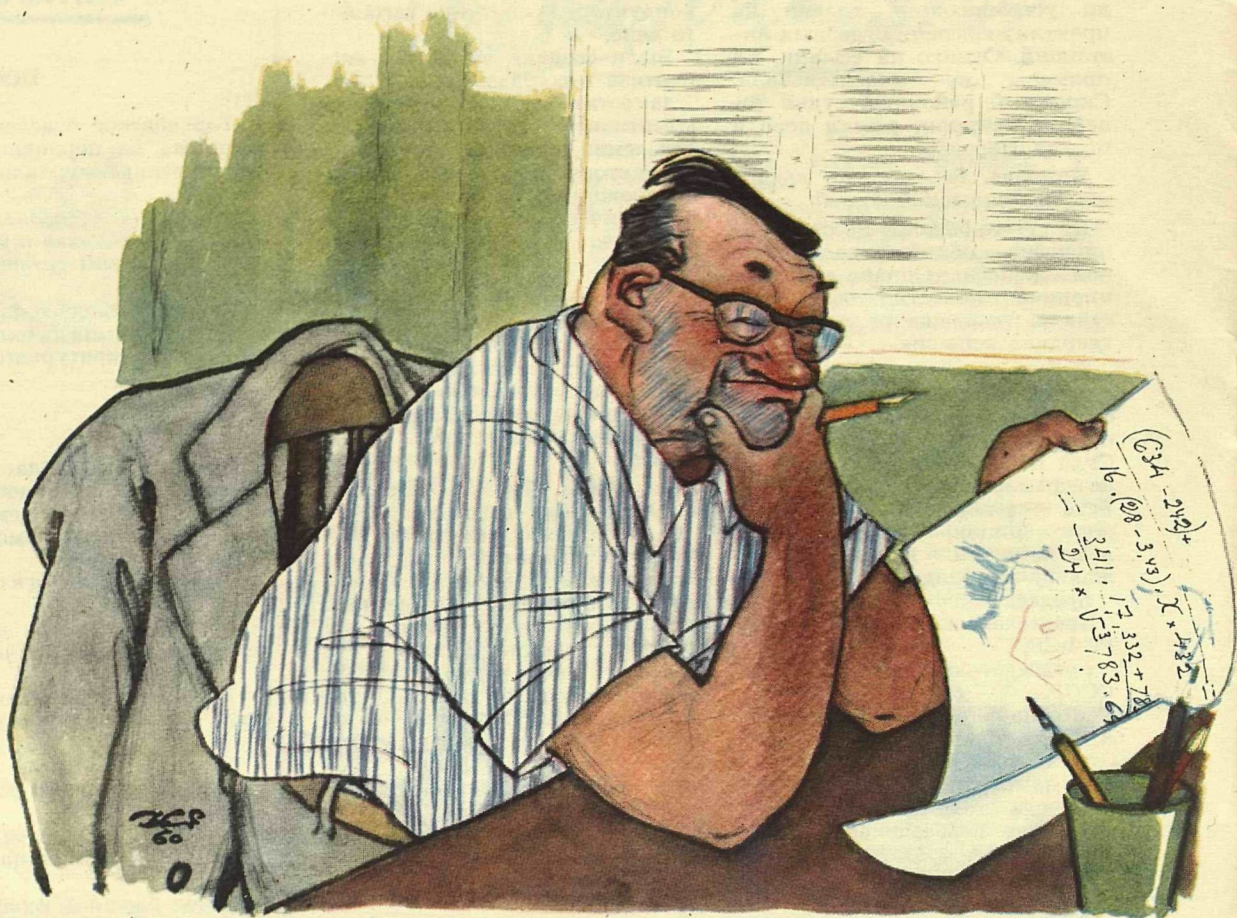
Я прочел строки этого «грозного указа» и невольно пришел к выводу, что, видимо, степанакертцы все еще пребывают в стадии варварства. Им, например, ничего не стоит снести с лица земли дом и устроить буйный танец у костра. Они не ходят по улицам, а бегают по крышам.

Человек в темных очках преследовал меня повсюду. Своими объявленными, развешанными по всему городу, он то и дело напоминал, что нельзя где не положено выливать помой с мусором и играть в футбол.

Наконец дела были закончены, и я отбыл в Баку. Но я боялся выходить из вагона. Мне казалось, что человек в темных очках вывесил на станциях таблички: «Не рубить заборы», «Не вырывать с корнем деревья», «Не уносить шпалы».

В Баку я направился с вокзала к трамвайной остановке. Человек в темных очках возник и здесь, словно из-под земли. Он спросил:

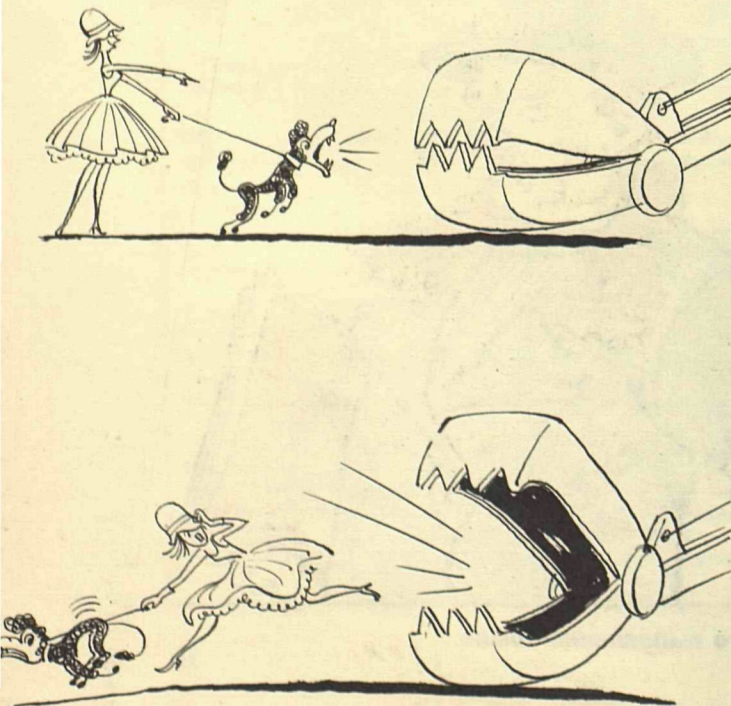
— А правила пользования трамваем вы знаете? Нет? Обязательно прочтите. Сам составил в 1956 году.

— Получается, что до конца рабочего дня остается шестнадцать минут и двадцать четыре секунды!

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Не выдержал...

Действительно, на стенке вагона возле отсека вагоновожатого красовалась бумага:

«Категорически воспрещается: проезжать на подножках и других выступающих частях вагона;

провозить колющие и режущие предметы;

отвлекать бригаду неслужебными разговорами;

провозить животных и птиц, кроме собак в намордниках и на поводках и птиц в клетках...».

Все пункты прочесть было невозможно. В конце объявления помещена табличка стоимости выбитых стекол, фар, электролампочек, испорченных поручней, обивки сидений, сломанных дверей.

— И часто у вас разносят вагоны? — спросил я кондуктора.

— Пятнадцать лет работаю, милый, и все на месте, — последовал ответ.

— Так для чего же такое объявление? — Для порядка, милый.

С дороги я поспешил в баню. Человек в черных очках уже поджидал меня у кассы.

— Прошу оценить плоды моего скромного труда, — молвил он. — Вот еще в 1940 году разработал я сей программный документ.

Я взглянул на стену. Два огромных щита были испещрены мелкими буквами:

«Категорически воспрещается: приносить с собой пищевые продукты и напитки и употреблять таковые в номерах и общих отделениях;

пачкать стены, оборудование, портить и ломать имущество;

кричать и петь в бане;

приносить с собой легковоспламеняющиеся и взрывчатые вещества...».

— Неужели с гранатами купаться ходят? — удивился я.

Банщик обиделся.

Мне было все ясно. Но человеку в темных очках...

Я встречаю его часто. В магазинах он вывешивает никому уже не нужные, отжившие свой век объявления «О порядке отпуска в одни руки товаров». В новом сквере он вколотил посреди цветника грубую доску с надписью: «Ходить по клумбам строго воспрещается». В общежитиях он метит белоснежные простыни огромной прямоугольной мазутной печатью, напоминающей лошадиное тавро. В рабочей столовой он обрубаёт ручки ложек. Он не доверяет людям. А вдруг они сломают цветок? Или украдут ложку?

— Кто же этот человек в темных очках? — задаст законный вопрос читатель.

Ответить нелегко. Незнакомец тщательно скрывает фамилию. Но на его «творчество» расходуется немало средств. И человеку этому кажется, что его писания служат лучшим украшением зданий, комнат, учреждений.

Нам возразят:

— Ведь нарушители порядка еще не перевелись!

Да, десяток-другой найдется. Но стоит ли из-за них наводить тень на плетень? Призвать их к ответу сможет сама общественность и без состряпанных в дебрях канцелярий пространных, пахнущих нафталином объявлений.

А нам хотелось бы хоть где-нибудь встретить еще одно объявление с этим самым «категорически воспрещается». Что бы было написано:

«ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ!

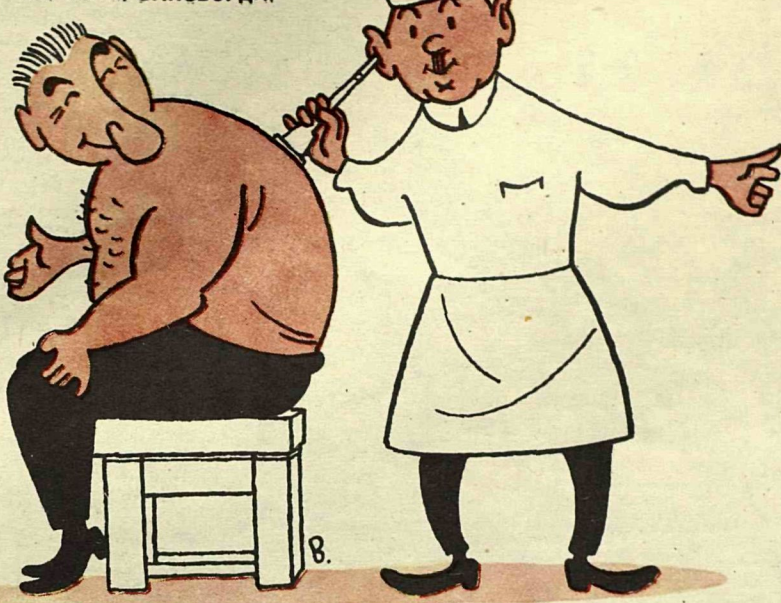
КАТЕГОРИЧЕСКИ ВОСПРЕЩАЕТСЯ:

а) оскорблять советских людей подозрительностью;

б) преследовать их недоверием;

в) смотреть на них через черные очки;

г) проходить мимо тех, кто еще пытается сочинять очередное глупое «категорически воспрещается».

ЛЮБОПЫТНЫЙ
— Что слышно новенького, доктор!..

СООБЩАЕМ АДРЕСА...

Руководитель одного периферийного учреждения прислал в редакцию письмо с вопросом.

«С тех пор, как мы развернули борьбу против канцелящины и бюрократизма, у нас стало куда меньше всяких бумажек. Неожиданно освободилось пять канцелярских шкафов. Куда их девать?»

Отвечаем: отошлите вашу мебель Московскому институту инженеров геодезии, аэрофотосъемки

и картографии. Его адрес: Москва, Гороховский пер., 4. Этот институт открыл платные курсы для желающих подготовиться к поступлению на очные факультеты. А каждый потенциальный курсант должен представить ни много ни мало семь различных справок и пять фотокарточек.

Куда же бедняжка институт будет складывать такую уйму бумаги? Ясно, шкафы там примут с восторгом.

Рисунок Л. САМОЙЛОВА.

— Покупатели смотрят на наши вазы и плюются.
— Ну что ж, пустим их в продажу как художественные плевательницы.

Фантастический маршрут

Казалось бы, трудно опровергнуть народную мудрость: прямым путем по кривой не ездят. А вот нашлись такие «опровергатели».

Работники Магнитогорского металлургического комбината отгрузили нашему заводу вагон листовой стали. Но вместо того, чтобы отправить его прямым путем до города Йошкар-Ола, они изобрели новый, сверхоригинальный маршрут — с перевалкой груза на водный транспорт в Ульяновске и с перегрузкой на рельсы в Казани. В целом эта экскурсия продолжалась ни много ни мало более месяца.

Послали мы нашим уважаемым поставщикам соответствующую «ноту»: дескать, перестаньте чудить, дорогие товарищи! Прочли металлурги это пламенное послание и... отправили нам второй вагон стали тем же фантастическим маршрутом.

Ничего против не скажешь: листовая сталь уступает по крепости только упрямству поставщиков...

Н. ВЕПРЕВ,
зам. директора Марийского завода торгового машиностроения
г. Йошкар-Ола.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

Все началось с того, что сошлись мы с ней возле театра, и теперь она ни в какую не желает расходиться.

(Из заявления).

Что касается милиционера, то он поступил неправильно, так как прибежал не тогда, когда противник избивал меня, а когда его начал избивать я...

(Из показания).

Собрал В. ГЛАНЦЕВ
г. Лисец,
Станиславской обл.

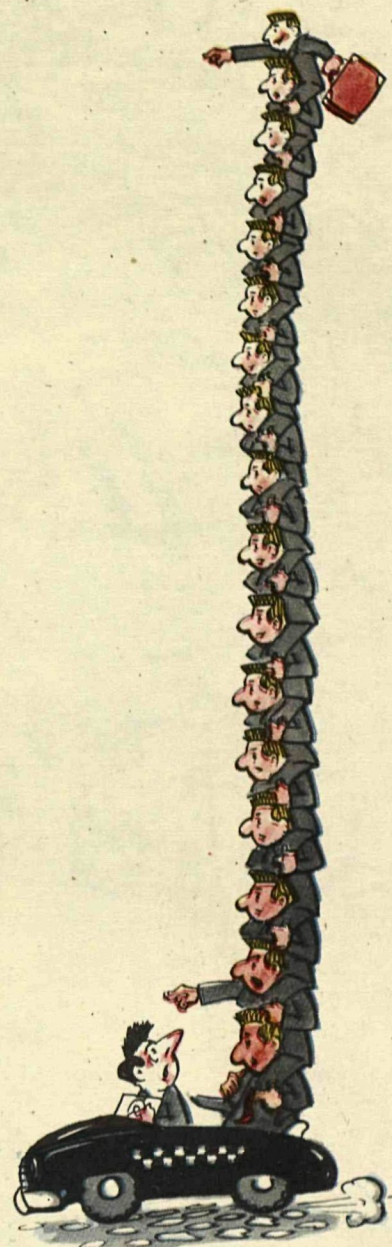
Безусловно, все могло быть по-иному, если бы потерпевшие, составляющие внушительную коалицию из двух мужчин и двух женщин, в ответ на предложение «раздеться», исходящее от одного человека, притом в лоск пьяного, проявили силу духа и поколотили его; но, к сожалению, получилось обратное: без особого нажима с моей стороны я сделался обладателем двух мужских плащей и дамского пиджака.

(Из кассационной жалобы.)
Прислал Ю. ШУТОВ
г. Челябинск.

Я не могу больше с ней жить потому что, ни разу не был с ней счастливым, ни в лотерее, ни по облигациям...

(Из заявления.)

Сообщил А. ХОНЯКИН
г. Киров,

— В цирк, пожалуйста!

Ничто так не спаивает коллектив, как культвылазки за город.

(Из выступления предцехнома).

Записал С. РУДЕНКО.
г. Запорожье.

«Направляется гр-н Иванов на предмет перемены места работы, считающий себя сумасшедшим».

(Направление во ВТЭК).

«Я даю слово чести, что это позорное пятно я оправдаю».

(Из объяснения больного).

Записал В. МОСОЛОВ.
г. Воронеж.

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

ГОД ИЗДАНИЯ 39-й.

Издательство «Правда».

Адрес редакци: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37.

А 07195. Изд. № 1830. Подписано к печати 29/Х 1960 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. Тираж 1 400 000 экз. Заказ № 2982. 1 бум. л.— 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

КИНОФЕСТИВАЛЬ «СВОБОДНЫЙ МИР»

37722 ЧАН КАЙ-ШИ

ФРАНКО

ЛИ СЫН МАН

«Американский дядюшка».

«Ураган».

ООН

ГОМИНДАН

«Путь в высшее общество».

«Под крышами Парижа».

«Полицейские и воры».

ВОЕННЫЕ ДОХОДЫ

Менеджер

Борис

«Закон есть закон».

«Золотая симфония».